

Nam Hye Hyun
Yonsei University, Seoul, Korea

СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
С ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ ФОРМОЙ У СУЩ. РОД.П.

1. Субъектно-предикатные отношения в русском языке

В языкознании важное место всегда отводилось вопросам изучения субъекта. Поскольку предложение является многоуровневым явлением, субъект рассматривается на разных уровнях: семантическом, грамматическом и коммуникативном. Для обозначения субъекта в рамках последнего из названных уровней употребляются еще такие термины, как *тема*, *топик* и *данное*.

Канонический и наиболее стандартный случай — это тот случай, когда совпадают семантический, грамматический и коммуникативный субъекты. Вопрос о неканоническом субъекте стоит острее в русском языке, поскольку в нем субъектно-предикатные отношения могут быть выражены по-разному. Богатство выражения субъектно-предикатных отношений в русском языке основано на высоком синтетизме русской морфологии. Ср.: *Дети радуются/рады/радостны/в радости/У детей радость/Детям радость*. По мнению Сергея Крылова, расхождение между семантическим и грамматическим субъектом появляется в следующих случаях: при пассивной диатезе семантический субъект выражается агентивным дополнением (*Нами ты была любима*); при аффективной диатезе субъект чувства выражается косвенным адресатным дополнением (*ребенку холодно; мне жаль*); при эссивной диатезе субъект обладания выражается косвенным дополнением посессора или сферы мира (*У зверя есть нора*)¹.

От того, как квалифицировать неканонический субъект, практически зависит весь семантический и синтаксический анализ построения пред-

¹ С.О. Крылов: *Субъект*. Электронная энциклопедия «Кругосвет» <http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SUBJEKT.html?page=3,5> (10.07.2013).

ложений в русском языке. Так, например, в предложении *Саше спится* с синтаксической точки зрения имя в дательном падеже квалифицируется как второстепенный член предложения или детерминант с учетом его морфологической формы (косвенный падеж), синтаксической позиции и отсутствия синтаксического согласования с предикатом. Однако, если учесть его категориальную семантику личного имени и структурно-смысловую роль носителя предикативного признака, следует квалифицировать эту именную форму как семантический субъект.

В связи с этим в русской лингвистике долгое время обсуждали статус неканонического субъекта в структуре предложения: целесообразно ли включать его в структурную схему предложений наряду с главными членами предложения? В академических грамматиках, изданных в 1970, 1980, 1990-ом годах, косвенный субъект не вводится в структурную схему, и отсюда возникает неизбежный компромисс. Там предложения типа *У детей радость*, *Детям радость* трактуются как однокомпонентные предложения с субъектной детерминацией². А семантическая и структурообразующая функция предложно-падежных форм с обстоятельственно-субъектным и объектно-субъектным значением заставляет говорить о «распространении структурных схем» (Наталья Шведова), о «модели реализации структурной схемы» (Светлана Кокорина), о «минимальных и расширенных схемах» (Вера Белошапкова), о структурной схеме «с позиции лексических валентностей стержневого слова, его семантической избирательности» (Нинель Арват). В то же время Галина Золотова, исходя из комплексной позиции, учитывающей структурно-семантические и коммуникативно-функциональные признаки, трактует предложения типа *У детей радость*, *Детям радость* как двухкомпонентные предложения с субъектом состояния³.

Разнообразие форм выражения субъекта безусловно было принято во внимание и в преподавании русского языка как иностранного. Например, в *Учебнике русского языка для иностранных студентов-филологов*⁴ материал организован по синтаксическому принципу, и первый урок назван *Выражение субъекта*.

В данной статье нас интересует прежде всего конструкция с предложно-падежной формой *у сущ.*^{род.п.} В русском языке практически любой вопрос об обстоятельствах чьей-либо жизни предполагает указание на личную сферу. См.: *Как у тебя дела? У них что случилось?* В соответс-

² *Русская грамматика*. Ред. Н.Ю. Шведова. Том. II. Москва: Наука 1980, с. 366–367.

³ Г.А. Золотова: *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука 1982, с. 135.

⁴ Н.А. Лобанова, И.П. Слесаева, Е.И. Воинова и др.: *Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов*. Москва: Русский язык 1984.

твии с формой вопроса строится и сообщение о микромире человека с помощью у *сущ.*_{род.п.}: сообщения о личности человека, его внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях, его собственности, отношениях к другим людям и о происходящих в его жизни событиях. Например: *У меня светлые волосы, У нее руки дрожат, У нее лицо просто сияло, У меня родилась дочь, У них пропала собака* и т.п.

Итак, конструкция с у *сущ.*_{род.п.} имеет широкий семантический диапазон и может передавать почти все виды сообщений о человеке. Светлана Кокорина отмечает, что наряду с именительным падежом предложно-падежное сочетание у *сущ.*_{род.п.} является одной из наиболее емких форм выражения, способной к передаче самых разных значений семантического субъекта⁵.

Традиционно субстанция в у *сущ.*_{род.п.} рассматривалась как посессор. Конструкция с у *сущ.*_{род.п.} как посессивная свойственна так называемым *be-language*, и для большинства западноевропейских языков, которые относятся к *have-language*, ее аналог отсутствует. Например, в отличие от английского и французского языков, в которых глаголы *have* и *avoir* реализуют посессора как логический и грамматический субъект, в русском языке как в типичном *be-language* посессор обычно представляется посредством предлога «у», а не при помощи глагола «иметь». Ср.: *У Павла есть машина; Paul has a car; Paul a une voiture.*

В данной статье мы попытаемся трактовать конструкцию с у *сущ.*_{род.п.} с точки зрения субъектно-предикатных отношений. В частности, нас интересуют предложения, где объект обладания стоит в именительном падеже⁶. См. вышеприведенные примеры⁷.

2. Субъектно-предикатные отношения в конструкции с у *сущ.*_{род.п.}

Вслед за *Теорией функциональной грамматики* мы будем выделять в субъектно-предикатных отношениях денотативный и интерпрета-

⁵ С.О. Кокорина: *О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке*. Москва: Наука 1979, с. 46.

⁶ В предложениях с у *сущ.*_{род.п.} обладаемое может занимать синтаксические позиции подлежащего, обстоятельства места и прямого дополнения. См.: *У девушки поползли по щекам слезы* (Ю. Казаков); *В характере у него преобладали злобность и неутомимость*. (Н. Лесков); *Это ведь ты разбил у меня четыре ящика пива и два ящика лимонада?* (А. Пантелеев).

⁷ Материалом для исследования послужили предложения с у *сущ.*_{род.п.}, отобранные методом сплошной выборки из русских современных художественных, газетно-публицистических текстов, а также записи разговорной речи. При сборе материала использовался Национальный корпус русского языка <www.ruscorgo.ru>.

ционный аспект. Денотативный аспект субъектности заключается в активности, агентивности, поскольку прототипический субъект детерминирует, каузирует предикативный признак⁸. Агенса как производителя контролируемого действия составляет высший предел активности: *Сосед сажает яблоню*. А при одноместном предикате единственный аргумент автоматически выступает субъектом: *Девочка спит*.

Субъект получает и языковую интерпретацию, исходящую из его формы. В русском языке существует ряд средств выражения субъекта. Среди них основным и наиболее специализированным является форма именительного падежа (подлежащее). Именно в позиции подлежащего то свойство семантического субъекта, что он детерминирует предикативный признак и им же характеризуется, получает наиболее полное и адекватное выражение.

А субъект, выраженный косвенным падежом, получает иную интерпретацию, чем субъект в именительном падеже. Ср.: *Охотник убил медведя — Медведь убит охотником*. В первом примере субъект действия и объект действия передаются центральными формами выражения. Во втором субъект действия выражается косвенным падежом, и на его денотативную основу наслаивается объектная интерпретация (орудие), а объект действия выражается именительным падежом, типичным для субъекта, и включает в себя субъектную интерпретацию (субъект состояния)⁹.

Что касается предложений рассматриваемой конструкции, посессор в них выступает в виде обстоятельства места, а предмет обладания — в виде подлежащего.

- 1) *У меня теленок* вчера пропал, я пошел вечером поискать. (А. Чехов)
- 2) Он морщился, как будто у него зуб болел. (Г. Владимов)

Однако, многие ученые видят здесь расхождение семантического и грамматического субъектов. Те, кто усматривал субъектные значения в форме у *сущ.*, *род.п.*, трактовали их по-разному. Чаще всего, выделялись такие субъектные значения, как 1) собственно обладатель, 2) обладатель качества (носитель признака), 3) носитель состояния, 4) лицо, с которым что-либо соотносится¹⁰. В наиболее полном виде списки

⁸ *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определенность/неопределенность*. Ред. А.Б. Бондарко. СПб.: Наука 1992, с. 31–33.

⁹ Там же.

¹⁰ Т.Е. Аношкина: *Предложение со значением посессивного наличия в современном русском языке*. Автореф. канд. дис. Москва 1984, 3.П. Табакова: *Функции предложно-*

этих субъектных значений представлены в работах Галины Золотовой и Натальи Шведовой¹¹.

Тамара Аношкина показывает, что у *сущ. род.п.* имеет следующие признаки субъекта: 1) позиция логического субъекта, 2) центральная структурно-синтаксическая позиция, в синонимичных предложениях занимаемая именительным падежом (У меня есть... — Я имею...), 3) центральная роль в семантической структуре предложения с типовым значением посессивности — посессор, 4) категориальное значение затронутого, заинтересованного лица, 5) значение носителя признака, обозначенного номинативом, 6) функция реализации «данного» в исходной форме высказывания¹². По нашему мнению, еще одним структурным свойством субъектности посессора в у *сущ. род.п.* можно назвать свойство контроля. Посессор в у *сущ. род.п.* практически контролирует возвратное притяжательное местоимение, а свойство контроля, по мнению Эдварда Кинана, является одним из типичных свойств базисного подлежащего¹³. См.: *У Пети была своя машина; Раз уж у нее своя жизнь, свои заботы, свои адреса и свои карлики* (В. Маканин).

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что между посессором в у *сущ. род.п.* и остальной частью предложения устанавливаются некие субъектно-предикатные отношения. Т.е. посессор в у *сущ. род.п.* обозначает субъект, а остальная часть предложения, куда входит объект обладания в *сущ. им.п.* и сказуемое (глагольное или именное), обозначает признак, приписываемый посессору.

- 3) У нее [*красные лоб и шея*].
- 4) У нее [*покраснели лоб и шея*].
- 5) У меня [*ноги тряслись*].
- 6) У следователя [*имеются доказательства*].

В связи с этим возникает необходимость уточнить терминологическое значение предиката. Семантический предикат — это обозначение приписываемой субъекту активности, состояния или характеристики. Традиционно предикат воспринимали как сказуемое. Однако, по мнению ряда ученых, предикат может выражаться не только сказуемым, но и целой грамматической основой предложения. Например, по мнению

падежной синтаксической формы «у+род.» в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Алма-Ата 1979.

¹¹ Русская грамматика. Ред. Н.Ю. Шведова. Том. II. Москва: Наука 1990, с. 124–133, 152, 438.

¹² Т.Е. Аношкина: *Предложение со значением посессивного наличия...*

¹³ Е. Keenan: *Towards a universal definition of subject.* В кн.: *Subject and Topic.* New York: Academic Press 1976.

Дины Ворониной, в предложениях типа *Его охватила тоска*, *Ему вспоминается детство*, *У нее болит голова*, *Его нам не перевоспитать*, в качестве семантического предиката выступает не глагол-сказуемое, а вся грамматическая основа предложения (выделена курсивом), которая обозначает признак, приписываемый семантическому субъекту, выраженному в косвенном падеже¹⁴.

Такое понимание субъектно-предикатных отношений в предложениях с *у сущ.*_{род.п.} имеет непосредственный выход на теорию построения предложения. В *Русской грамматике* данная синтаксическая позиция рассматривалась как детерминант с субъектно-обстоятельственным значением, который распространяет структурную схему Cop/o N1 или N₁ V_f¹⁵.

Однако, мы считаем, что здесь происходит не простое распространение предложения, а передвижение субъектности с компонента *сущ.*_{им.п.} на компонент *у сущ.*_{род.п.} Объект обладания в именительном падеже и сказуемое сливаются в единый семантический комплекс и обозначают явление (факт, событие, состояние), которое целиком выступает в качестве признака определенной субстанции в *у сущ.*_{род.п.} При этом часто ситуация с предметом обладания неким образом затрагивает possessora. Например, предложение *У него директор института выдвигается в академики* намекает на то, что между ним и директором института существуют достаточно близкие отношения, и выдвижение директора в академики каким-то образом затрагивает его. Значит, компонент в *сущ.*_{им.п.}, который на уровне минимального построения был субъектом, превращается в часть предиката для *у сущ.*_{род.п.} См.: Дети растут → У них [дети растут].

Итак, в чем заключается интерпретационный компонент субъектно-предикатных отношений в конструкции с *у сущ.*_{род.п.}? Мы считаем, что он тесно связан с предложно-падежным значением формы *у сущ.*_{род.п.} Исследователи возводят ее первоначальное значение к локативному значению предмета, вблизи которого совершается действие или находится другой предмет¹⁶. В силу первоначального пространственного значения предлог «у» представляет possessora личной сферой человека, т.е. местом, где пребывает или действует кто-либо или что-либо. В связи

¹⁴ Д.Д. Воронина: *К вопросу о структурной схеме предложения*. «Вестник МГУ» 1974, № 6, с. 39.

¹⁵ *Русская грамматика*. Т. II. 1990, с. 150–157.

¹⁶ А. Правдин: *К вопросу о выражении принадлежности в русском языке*. «Груды историко-филологического факультета. Ученые записки. Тартуский университет». Вып. 51. Тарту 1957, с. 117, R. Mrázek, J. Brym: *Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou 'u'*. В кн.: *Sborník prací filosofické fakulty brněnské university A–10*. Brno: Fakulta, Murasugi, Kumiko 1962, с. 99–100.

с этим ученые определили семантическое значение конструкции с *у суиц.*_{род.п.} как введение объекта в жизненную сферу посессора¹⁷.

Интересно отметить, что пространственная метафора обладания в конструкции с *у суиц.*_{род.п.} не ограничивается в наиболее типичных посессивных отношениях, т.е. в случаях бытийного глагола и неотчуждаемых объектов обладания (см. примеры 3–6). Она распространяется и на те случаи, когда употребляются полнознаменательные глаголы и отчуждаемые объекты обладания.

(7) Там ночью у Щеткина [изредка пела телефонная птица, но к утру она затихла] (М.А. Булгаков).

(8) У Достоевского [время и пространство как бы переходят одно в другое] (Б. Бурсов).

Итак, посессор создает личностные рамки, в пределах которых происходит описываемая ситуация. А ситуация, обозначенная остальной частью предложения, выступает как признак, приписываемый посессору.

(9) *Итальянцы* очень хорошие. *Они* же ничего не делают, *они* же страшные лодыри. *Они* же целый день только на гондолах разъезжают, но *они* деньги же зарабатывают. И рыбу ловят. Хлеб *они* не сеют, *у них* же негде. *У них* же это горная страна. *У них* площадки такие сделаны, так там такие рощицы (запись разг. речи).

3. Тематичность посессора в *у суиц.*_{род.п.}

Выше было отмечено, что интерпретационный компонент субъектно-предикатных отношений в предложениях с *у суиц.*_{род.п.} заключается в представлении посессора в виде личной сферы, где происходит определенная ситуация. Такое представление ситуации носит эгоцентричный характер, поскольку при этом фокус ставится именно на человека или с его же позиции излагается ситуация¹⁸. Сравнивая

¹⁷ Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев: *Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение*. Москва: Русский язык 1983.

¹⁸ Интересно отметить, что эгоцентричность свойственна категории посессивности. Анализ языковых данных позволяет представить категорию посессивности как концептуальную пространственную структуру, в центре которой стоит человек: человек осознает самого себя, свое тело и части тела, а потом ближайшие к нему объекты внешнего мира как «свои», затем — «присваивает» более удаленные конкретные и абстрактные сущности, т.е. они включают в свое посессивное пространство все предметы, которые он воспринимает. *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. Ред. В.В. Иванов. Москва: Наука 1989, с. 5. Присвоение человеку мира совершалось

предложения с посессором в форме *у сущ. род.п.* (10а) и с посессором в форме притяжательного местоимения (10б), Игорь Мельчук пишет, что *у сущ. род.п.* фокусирует посессора, поэтому если говорящий ставит фокус на посессора, он выбирает первую конструкцию, а в случае, когда он ставит фокус на объект обладания, он предпочитает конструкцию с притяжательным местоимением¹⁹.

(10а) Глаза *у индейцев* макаюра глубоко сидят в орбитах.

(10б) Глаза *твои* глубоки, как два озера Есевонских. Шея *твоя* пряма и стройна, как башня Давидова.

При этом для посессора в *у сущ. род.п.* характерна референтная определенность. Согласно тезису Елены Падучевой об автономной референции, референциально автономное имя должно быть введено в рассмотрение раньше, чем имена, которые от него референциально зависят²⁰. Так как обладаемое находится в референциальной зависимости от посессора, предпочтительнее, чтобы посессор выделился из именной группы обладаемого и встал в начальной позиции перед обладаемым.

(11а) *Сын Маши* пошел в школу — (11б) *У Маши сын* пошел в школу.

(11б) предпочтительнее, чем (11а), поскольку в (11б) посессор как референциально автономное имя выделился из именной группы обладаемого и оказался в начальной позиции. Принцип референциальной упорядоченности естественно применяется наиболее убедительно в отношении к неотчуждаемым объектам обладания.

(12) И что с того, что *у него* руки нервно потом подрагивали, а возле *правого глаза* жилка пульсировала, и *взгляд* печальный и задумчивый, и сам, щупленький, ссутулился (Е. Шкловский).

(13) Не знаю, как у других, но *у меня* *аппетит* был волчий, да и другие что-то не заставляли себя просить (В. Новицкая).

и через наименования предметов, составляющих мир, аналогичные названиям частей тела (*глаза горы, подножие холма, устье реки.*). Изучая обширные языковые, мифологические, культурологические данные, Владимир Топоров приходит к выводу, что ни в одной категории так ярко не сказывается эгоцентричность или антропоцентричность естественного языка. В.И. Топоров: *О некоторых предпосылках формирования категории посессивности*. В кн.: *Славянское и балканское языкознание*. Москва: Наука 1986.

¹⁹ I.A. Melchuk: **Glaza Masi golubye vs Glaza u Masi golubyje: Two Russian Constructions*. В кн.: *Русский язык в модели <Смысл — Текст>*. Москва: Языки русской культуры 1995, с. 144.

²⁰ Е.В. Падучева: *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры 2004, с. 69.

(14) *У меня сестра* всю жизнь прожила в Новосибирске («Известия» 2003.02.11).

Однако, референциальная зависимость обладаемого от посессора настолько устойчивая, что другие имена, попадая в эту конструкцию, тоже стремятся получить реляционную интерпретацию. Предложение типа *У тебя есть Надя* интерпретируется таким образом: Ты не одинок. У тебя есть опора в лице твоей жены — Нади (дочери, подруги и др.)²¹. В этом смысле *у сущ._{род.п.}* противостоит форме *с сущ._{твор.п.}*, которая указывает главным образом на пространственно смежное отношение. Ниже в примере (15) речь может идти о том, что данные лица бежали из Бреста вместе, и о том, что их свели обстоятельства, а пример (16) интерпретируется так, что раненый находится на попечении говорящего. В примере (17) от посессора *он* референциально зависит не только *нос*, но и *маленькое пенсне* и *широкая черная лента*²².

(15) Когда она сказала, что *с ней* раненый и выговорила слово Брест, все четверо ахнули (К. Федин).

(16) *У меня* раненый, и нечем перевязать — сказала она виновато (К. Федин).

(17) На *носу* у него злобно подпрыгнуло *маленькое пенсне* на *широкой черной ленте* (Б. Пастернак).

Итак, посессор, будучи референтно определенным и заданным предшествующим текстом, часто служит ориентиром для определения референции обладаемого, а возможно, и других участников ситуации. Все это указывает на тематичность посессора в *у сущ._{род.п.}*. Посессор в *у сущ._{род.п.}* склонен выступать темой, которая служит для налаживания ментальных отношений с другими референтами, вводимыми в высказывание, и связывает высказывание с прежним контекстом²³. Обратив на это внимание, Галина Золотова пишет, что синтаксема «у» в устной речи часто функционирует как субъект речи в диалогическом зачине, выполняя роль зарамочного заявления, при этом она синтаксически не связана с другими компонентами, но семантически сохраняет отношения посессивности²⁴.

(18) *У меня* у дочери завтра день рождения.

²¹ Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев: *Русское предложение...*, с. 151.

²² Н.Н. Нам: *Конструкции с внешним посессором в русском языке как диатетическое явление и их семантико-дискурсивные функции*. «Russian linguistics» [Amsterdam] 2013, № 2, с. 187.

²³ Там же.

²⁴ Г.А. Золотова: *Синтаксический словарь...*, с. 115–116.

(19) Вот у меня, — говорил он, обращаясь обыкновенно к посетителям, — этот портрет я написал в два дня, эту головку в один день (Н. Гоголь).

(20) У нас у государыни сын с ума сошел (И. Худяков).

В связи с этим, Светлана Кокорина называет предложения с *у сущ._{род.п.}* двусубъектными²⁵. В этом рассуждении есть своя доля правды с учетом типологических данных, согласно которым тематичный посессор приобретает свойство подлежащего и конструкция, в которой посессор стоит в позиции темы, диахронически развивалась в двуподлежащие конструкции²⁶. Двуподлежащие конструкции встречаются в дискурсивно-ориентированных языках (*discourse-oriented language*), в частности, в корейском и японском языках. Например, в корейском языке широко распространены предложения двуподлежащей конструкции. В этой конструкции два аргумента выступают в именительном падеже, и первый из них — посессор-тема, а второй — объект обладания²⁷.

(21) *Ku-ka cikeb-i uisa-ita* (He-nom profession-nom doctor-be) (His profession is doctor).

(22) *Ku-ka kho-ka khuta* (He-nom nose-nom tall) (His nose is big).

Итак, как можно представить конструкцию с *у сущ._{род.п.}*? По нашему мнению, адекватно представить посессора в *у сущ._{род.п.}* как тематичный второй субъект. Посессор как тема связывает высказывание с предыдущим контекстом и служит ориентиром для определения референции обладаемого, а возможно, и других участников ситуации. Соответственно, референтная ситуация представляется так, что посессор имеет актуальные связи с предметом обладания, и ситуация с предметом обладания неким образом затрагивает его и приписывается ему.

4. Заключение

На основе анализа мы пришли к выводам о том, что в рассматриваемой конструкции исходное локативное значение предлога «у» обуславливает сопряженность денотативного аспекта субъектности посессора с обстоятельственной интерпретацией (место). В связи с этим данная

²⁵ С.О. Кокорина: *О семантическом субъекте...*

²⁶ D.L. Payne, I. Barshi: *External possessor: What, Where, How, and Why*. В кн.: *External Possessor*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins 1999, с. 8.

²⁷ H.Y. Park: *On Korean Subject Case-marking Rules*. «Korean Language Education» [Seoul] 2008, № 19(1).

конструкция представляет possessора как личную сферу человека, как некую целостность, куда может войти целый мир.

В большинстве случаев субъектный статус possessора в у *сущ.*_{род.п.} подтверждается тематичностью и референциальной определенностью. Possessor, будучи референтно определенным, заданным предшествующим текстом, часто служит исходной точкой изложения ситуации и создает личностные рамки, в пределах которых излагается описываемая ситуация. Такое представление ситуации носит субъективный, эгоцентричный характер²⁸. А ситуация, обозначенная остальной частью предложения, выступает как признак, приписываемый possessору. Таким образом, между possessором в у *сущ.*_{род.п.} и остальной частью предложения устанавливаются некие субъектно-предикатные отношения.

Nam Hye Hyun

PODMIOTOWO-PREDYKATYWNE RELACJE W ZDANIACH
Z PRZYSŁÓWKOWĄ FORMĄ У СУЩ._{РОД.П.}

Streszczenie

W niniejszym artykule zanalizowane zostały relacje podmiotowo-orzeczeniowe w konstrukcji у *сущ.*_{род.п.}, która jest podstawową formą przekazującą informacje o człowieku, powszechnie używaną w języku rosyjskim.

Prymarne znaczenie lokatywne przyimka „у” warunkuje łączliwość denotatywnego aspektu podmiotowości posesora z interpretacją okolicznikową (miejsca). W większości przypadków podmiotowy status posesora w konstrukcji у *сущ.*_{род.п.} podkreślany jest tematycznie i referencyjnie.

Posesor jest referencyjnie określony, wskazany przez poprzedzający tekst, często stanowi punkt odniesienia wobec tego, co jest przedstawione. Sytuacja natomiast określona przez pozostałą część zdania występuje jako cecha przypisana posesorowi. W ten sposób między posesorem w у *сущ.*_{род.п.} a pozostałą częścią zdania zachodzą określone relacje podmiotowo-orzeczeniowe.

²⁸ Ученые полагают, что широкая распространенность конструкции с у *сущ.*_{род.п.} указывает на некоторые черты типизированного представления говорящего о картине мира. То, что события и явления окружающего мира передаются possessивной конструкцией с одушевленным субъектом, отличает русский язык от других языков, где эти сообщения передаются конструкциями без одушевленных субъектов (в английском *there is/ there are, it is*, во французском *il y a*). На основе этого И.Р. Куравлева делает вывод о высокой степени антропоцентричности, субъективности восприятия окружающего мира русским человеком. И.Р. Куравлева: *Категория possessивности как фрагмент русской языковой картины мира (конструкция у кого есть что)*. Автореф. канд. дис. СПб. 2007, с. 17. В то же время С.Г. Тер-Минасова видит в конструкции у *сущ.*_{род.п.} коллективизм менталитета носителей русского языка и стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, с. Г. Тер-Минасова: *«Я» и «Мы» в культурах и языках*. В кн.: *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Сборник докладов*. Т. II. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета 2003, с. 528–529.

Nam Hye Hyun

SUBJECT-PREDICATE RELATIONS OF THE SENTENCES
WITH PREPOSITIONAL PHRASE *U*

Summary

This article is devoted to the subject-predicate relations of the construction with a preposition *u*, which is the basic means for transmitting a message about a person, and therefore widespread in Russian. The original locative meaning of the preposition *u* causes conjugation of denotative aspects of subjectivity with its spatial interpretation (place). In most cases the subjectivity of a possessor in the prepositional phrase *u* is supported by thematicity and referential definiteness. Therefore, the possessor, given by the previous text, is often represented as a starting point of the situation. And the situation, described by the other parts of the sentence, serves as a property or state attributed to the possessor. Thus, a subject-predicate relation is established between the possessor in the prepositional phrase *u* and the other parts of the sentence.